

Сентиментальные записки

Игорь Плищенко
Сентиментальные записки.
Повесть в миниатюрах

<https://litres.ru/74603283>

SelfPub; 2026

Аннотация

Болезненный разрыв отношений становится для героя пусковым механизмом тяжелого кризиса, преодолевая который он проходит путь от отчаянных попыток вернуть ушедшее прошлое и законсервировать память до обретения личной автономии и смысла жить дальше в неидеальной реальности.

Содержание

Предисловие	4
Спешка	5
Поэма распада	8
Запах лаванды	10
Целуя воспоминания	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Игорь Плищенко

Сентиментальные записки.

Повесть в миниатюрах

Предисловие

«Сентиментальные записки» — это памятник воспоминаниям. «Сентиментальные записки» — это коллекция из его осколков.

«Сентиментальные записки» — это хроника поражений. «Сентиментальные записки» — это протокол вскрытия души.

«Сентиментальные записки» — это то, что прошло. «Сентиментальные записки» — это то, что осталось.

Спешка

Три недели я пытаюсь спасти безымянное растение. Его прекрасные розовые цветки увядают и рассыпаются в пыль. По всем признакам — засуха. Поливаю обильно, изучаю методы корневого полива, но всё без толку.

— Мы говорим с тобой на разных языках, - в твоём тоне родилась аналитичность без капли сомнений.

— Как это избито! - парировал я

— Мы с тобой разные люди, неужели ты не понимаешь этого?! - сквозь кромку треснувшей почвы прорезались ростки твоей прежней эмоциональности.

Листья, залитые солнечным светом, желтеют и тлеют. Почва источает сырой, гнилостный запах. Новые побеги застыли в немом ожидании. Слишком много воды. Я устанавливаю режим полива, но это не приносит результата. Это безымянное растение — то немногое, что осталось от прежней жизни, нарисованной лёгкими взмахами женской руки. То, что мне хотелось бы сохранить, полюбить.

— Большое спасибо тебе за этот подарок, - в отражении зеркала сверкали голубые камни на серебряных серьгах. Их блеск контрастировал с твоими истинными намерениями. Их холодность пела в унисон с твоими истинными чувствами.

Странная привычка хранить маникюрные ножницы в

шкатулке с драгоценностями. Полинял старый пиджак и оброс множеством ниток. С большим удивлением обнаружил в шкатулке те самые серьги.

— Не прошло и двух дней, - этой мыслью словно ножом я раскрыл края едва затянувшейся раны, —э то раньше годами носила она твои браслеты-резинки, а теперь она пробует разные образы.

Неосознанное попадание в цель, невероятно точный прогноз. Ты не просто примеряла к лицу разные серьги - ты искала варианты новой версии себя. Вселенная быта быстро наполняется вещами. Предметами, которые ты считаешь общими. Наживается добро, создаётся уют, формируется комфорт. Маленький мир наполняется осмысленными безделушками. Но рано или поздно появляются предметы личные. Они играют свою роль и будоражат воображение только одного из нас.

Гулким металлическим звоном, деревянным глухим треском ударялись наши вещи об запачканный пол грузового салона автомобиля. За прозрачными стенками бельевых ящиков угадывались очертания знакомых халатов и платьев, рубашек и туфель, футболок и полотенец.

Современность требует личного пространства в общем, и её риторика безотлагательна. Ты не хочешь спорить с ней — будет себе дороже. Так и формируются новые маленькие миры в стенах одной квартиры. Они разрастаются, наполняются интимными смыслами. Возрождаются личные ценности,

пишутся новые тайны.

Что ж, моя личная ценность и последняя новая тайна состоят в том, что я из укрытия проводил тебя взглядом - уезжавшую прочь с набором новых образов. Впереди тебя ждала лёгкость. Позади, подле меня, останутся смысловые грузы.

И пусть я не был вхож во многие из твоих квартирных миров, но их финал мне оказался понятен. Их гибель происходила в спешке. Как я сумел это понять в самое первое мгновение, зайдя в полупустую квартиру? Именно по вещам, которые ты считала своими, но забыла забрать. В оставленных тобой предметах быта теперь живёт не только память, но и уязвлённость, чувство брошенности. Эти вещи тоскуют по тебе, а я пытаюсь безуспешно оживить их, придавая новые смыслы.

Мне предстоит заставить себя полюбить эти вещи. Им — найти место в новом мире.

Поэма распада

Я не скажу тебе, что твой уход мне безразличен. Не стану уверять, что мне не больно. И не буду лгать, что не питаю к тебе ненависти.

Забывать тебя — «поэма распада», нанесение увечий собственной душе. Сначала умрёт образ: твоё лицо растворится в пустоте комнаты, силуэт исчезнет из прихожей. Я перестану тебя слышать - звуки не до конца проснувшегося города сменят твои усталые зевки по утрам, эхо шагов больше не раздастся в соседних помещениях. Несколько стирок спустя белье навсегда утратит твой запах. Этот этап смерти произойдёт быстро.

Затем начнётся агония ритуалов. Дверь перестанет звенеть металлом по вечерам, возвещая о твоём возвращении. Мне больше не придётся тебя встречать. На фрагменты рассыплются привычные дела по дому, развеются наши обычаи, изменится моя роль в этом быту. Это займёт больше времени, и цена будет выше.

Наконец, воспоминания. Воспоминания — опасная субстанция. В одночасье их живительные свойства превращаются в яд. Они умирают дольше всего, а потому мне суждено травиться медленно, смакуя каждый эпизод из нашей жизни, которая вдруг стала ненужной.

И вот за это я буду ненавидеть тебя. За то, как много вос-

поминаний мы наплодили и как долго им придётся умирать. За то, насколько одержимой оказалась моя привязанность к тебе. За то, что гибель в чувствах никогда не бывает внезапной.

Запах лаванды

В комнате Анисы царил полумрак, который не мог скрыть идеального порядка, но лишь подчёркивал его противоестественность. Воздух здесь был плотным, сладким и удушливым. Запах лавандовых духов, её неизменная визитная карточка, здесь казался гуще, смешиваясь с едва уловимой ноткой пыли и старой бумаги.

Тяжёлые бархатные шторы на окне были не просто задёрнуты, а создавали непроницаемую стену. На широком подоконнике стояла лампа с абажуром из тёмно-фиолетового стекла, бросавшая на стены причудливые, изломанные тени. На кремовом фоне обоев вился сложный калейдоскоп из пурпурных ирисов. На деревянном столе были сложены исписанные тетради, наброски карандашных рисунков, какие-то книги. У стенки поглощал свет небольшой металлический шкафчик темного цвета. В другом конце комнаты покоилась массивная двуспальная кровать с изогнутым изголовьем.

Это был не уют. Это была декорация. Обитель для одного человека, созданная по законам её собственного, искажённого мира. Это был её комфортабельный Ад, и она была в нём не пленницей, а богиней.

Аниса достала лезвие. Тонкое, как лёд поздней осени. Причудливой формы вырез в середине металла напоминал

кардиограмму. Сердце безудержно стучало в груди. Пары спирта ударили в нос, на миг перебив запах лавандовых духов. Словно молния мелькнул свет лампы на полоске стали.

— Не бойтесь... — голос Анисы звучал гипнотизирующе ровно. Она сидела напротив меня на полу, её обнаженные колени впились в доски паркета. Запах дезинфицирующего средства снова взбудоражил моё обоняние. Накатила отрезвляющая волна. Я резко схватил занесенную над моим предплечьем руку Анисы, сжимавшую лезвие.

Телесный контакт вызвал у неё улыбку:— Доверьтесь мне. Я знаю, о чём говорю, — она повернула левую руку тыльной стороной к настольной лампе. Серебряные нити давно заживших шрамов заиграли на свету.

Чарующая улыбка, бездонно тёмные карие глаза, воздушные движения свободной руки и напряжение мышц обнаженных ног. Мои пальцы освободили побледневшее запястье девушки. Я закрыл глаза. Холодное прикосновение металла к коже было первым, что я почувствовал отчётливо. А затем — давление. И резкий, обжигающий укол, который пронзил руку до самого локтя. Рука дернулась инстинктивно, но теперь пришел черёд Анисы сжимать моё запястье стальной хваткой. Кровь была удивительно яркой и горячей. Она побежала по коже тонкой струйкой... Это было неправильно, дико... и невероятно остро.

Аниса наклонила голову и примкнула к образовавшейся ране тёплыми пухлыми губами. Боль притуплялась. На сме-

ну порожденному страхом спазму в моём животе приходило глубокое затяжное дыхание. Топливом для него служило возбуждение. Я почувствовал, как с потоками крови в нежное тело Анисы принялась убегать не только физическая боль, но и жизненная сила. А уже за ней украдкой просачивалась через пульсирующую рану и боль душевная.

— Это очень необычный опыт, — я старался говорить низким тоном, чтобы изобразить невозмутимость, но глаза мои уже хаотично, в приступе животной страсти, вглядывались во тьму комнаты Анисы, где могла бы найтись колыбель для беспокойной сути греха, — только, честно говоря, я не до конца понимаю цель данного ритуала.

Издав чмокающий звук, губы Анисы освободили порез на моей руке. Девушка выпрямилась и ее короткие смолистые волосы мимолетно сверкнули в свете электронной лампы. Их запах ненадолго вытеснил лаванду.

— Это один из способов почувствовать себя живым, — вытащив из небольшого шкафчика у стола упаковку бинтов, сказала Аниса, — не помню, кто сказал такую фразу: «Жизнь — это боль, и задача наша изыскать способ её минимизировать», — после этих слов она прикрыла порез на моей руке ватным тампоном и стала оборачивать руку бинтом, — так вот, следуя логике этих слов, в момент ощущения пиковой боли, Вы находитесь на пике жизни. Как-то так. — она улыбнулась.

Прежде белоснежные, зубы ее теперь были покрыты кро-

вавой пленкой.

— Очень спорное изречение, - ответил я, — кстати, на Ваших руках я не заметил свежих ран.

— Мне это больше не нужно. — Аниса убрала бинты в шкафчик и со щелчком захлопнула дверцу.

Я смотрел на неё. На её чарующую улыбку, на шрамы, которые теперь казались не следами боли, а элементами сложного узора её души. Она нашла свой способ. Она научилась генерировать эту "пиковую боль" внутри себя, без помощи лезвий. Её философия перестала быть теорией и стала частью её естества. А я... я всё ещё не мог понять, в какой личный узор сложатся мои новые шрамы. Пока же свежий порез был лишь одним из физических воплощений ран на моей душевной ткани.

Целуя воспоминания

Вот уж действительно - магия, чудо или холодный научный расчёт...

Словно тысячи игл вонзились в тело. Так быстро, что не разберёшь — больно ли, холодно ли. Горло сдавило металлическим кольцом, преграждая доступ воздуху. «Неужели я умираю?» — единственная мысль промелькнула в голове. Наконец, грудь наполнилась тяжестью, и я сделал мощный выдох. Контроль над веками вернулся.

Я медленно открыл глаза: побелка на потолке лежала неровными слоями, напоминая кратеры и холмы, залитые разноцветными отблесками уличных огней. Какой знакомый потолок! Мысли путались, отличить их от затянувшегося сна было невозможно.

Накрахмаленный пододеяльник приятным теплом скользил по коже. Скрипнула кушетка, я перевернулся на бок. Напротив, в полумраке, стояла вторая. Под одеялом угадывалось что-то похожее на белоснежные горы. Они шевелились. Спустя секунду пришло осознание: там кто-то спал, шумно и тяжело дыша. Человек. Эта догадка мгновенно развеяла остатки сна.

Я тихо поднялся. Ватные ноги подкосились в коленях, я едва успел опереться о подоконник. За стеклом горела ночь: типовые многоэтажки сверкали люминесцентными окнами,

а позади них, вдалеке, тянулись жёлтые нити проспектов. Осенний воздух пах сыростью даже сквозь закрытые окна.

Я оглядел вытянутую темную комнату. Впереди стояли ещё две кровати — на них тоже мирно спали люди.

— Стоп, — от резкой мысли в голове протрезвело, — я в общежитии, это моя комната.

Ноги налились силой, и я медленно, в пижамных штанах и майке, пошёл к выходу. Ручку двери нащупал по памяти. «Замок на ней давно сломан» — воспоминание выскочило из глубин сознания со скоростью пули. Дверь со щелчком поддалась, и я вышел в длинный коридор, изрезанный проёмами других комнат.

— Обалдеть... я действительно вернулся, — успел прошептать я.

Живот мгновенно свело болью, во рту разлилась кислая желчь.

В туалете было пусто. Хриплый кашель эхом отскакивал от ржавой кафельной плитки. Чем сильнее я пытался не шуметь, тем яростнее заходился в тошнотворных порывах. Окончательное отрезвление. Холодное понимание. И очень горячее сердце

Я не помнил, как здесь оказался — сам процесс перемещения потонул в тумане. Выйдя из туалета, я подчинился мышечной памяти и пошёл в конец коридора, к комнате Кати. Шаткая походка и головная боль напоминали о моей чужеродности в этом времени. Но мне было всё равно. Скачок

удался, а значит, сожалеть не о чем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.